НЕКОТОРЫЕ ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Еще несколько лет назад среди разношерстных интеллектуальцев было модно тешить себя бесконечными спорами о том, кто же такие русские, то есть они сами.

Увы! – натужная «мыследеятельность» по поводу критерия русскости и русской культуры в целом не оставила после себя почти ничего, кроме бессвязных лозунгов «Россия – это мы!» и «русский тот, кто сам себя так называет». *В отношении последнего стоит напомнить, что уже перепись 2002 года выявила в России 288 тыс. чел., не владеющих русским языком и при этом считающих себя русскими.*

Едва ли не главным результатом тех дискуссий стал анекдот про патриота и лампочку: «Если патриот может ввинтить лампочку в патрон так, чтоб та светила, и ему при этом не мешает «мировая закулиса», - это не истинный патриот».

А ведь пытаться действовать, не зная себя, так же нелепо, опасно и в конечном счете невозможно, как и пытаться действовать, не зная объекта своих действий.

Именно культура, определяющая принадлежность индивида к тому или иному обществу и цивилизации, является главным стратегическим фактором конкурентоспособности последних. Не зная своей культуры, не видя ее отличий от остальных, мы в принципе не можем понимать свои недостатки и преимущества в глобальной конкуренции.

Уже относительно скоро крушение сгнившей клептократии в ходе системного кризиса на короткое время приоткроет России «окно возможностей», даст шанс возрождения страны и очередного становления заново российской цивилизации.

Если мы не сможем учесть свою собственную специфику: мобилизовать свой потенциал и сдержать, насколько возможно, свои пороки, - мы можем не просто упустить это «золотое время». Действуя «вслепую», по принципу «свои своих не познаша», мы можем вновь, как на рубеже 80-90-х годов, уничтожить свою страну и себя вместе с ней.

Тем более, что «запас прочности» и у производственного, и у человеческого капитала нашего общества уже не тот, не советский, - и потому завтрашние ошибки обойдутся намного дороже вчерашних.

Чтобы не искушать судьбу понапрасну и не рисковать тем, чем рисковать нельзя, чтобы ставить только достижимые цели и не упускать ничего из того, что в принципе возможно, надо «познать самое себя»: определить хотя бы основные черты русской культуры, программирующие наше поведение.

Ведь общество меняет все – технологии, политический строй, способ общения – кроме своей собственной культуры. **Культура – это генотип общества:** ее базовые, фундаментальные черты не меняются на всем протяжении его жизни.

Это особенно наглядно видно на примере нашей страны.

Все время ее существования, включая последние жестко конфликтующие и даже прямо отрицающие друг друга исторические периоды: Московское царство, Петербургское самодержавие, Советский Союз, охваченная распадом и смутой нынешняя Россия, - скреплено единой русской культурой. Конфликт между этими периодами настолько глубок, что **можно говорить о существовании трех наследующих друг другу народов: исторического русского, прошлого советского и лишь формирующегося сейчас (с оптимистической точки зрения) российского.**

Эти народы объединены в единую, пусть даже и проходящую мучительные катаклизмы, цивилизацию только одним: русской культурой.

1. Отсутствие границы гуманизма

Большинству культур свойственно четкое проведение «границы гуманизма». Их представители отделяют **«своих», признаваемых людьми не только биологически, но и социалью** (то есть не просто «имеющими права», но и «равноправных себе»), **от «чужих», на которых гуманистические принципы, даже формально признаваемые всеобщими, на деле не распространяются.**

Хорошо известны и подробно описаны культуры, считающие людьми в полном смысле слова лишь кровных родственников. *Интеллигенция обычно умиляется многочасовым выяснениям наличия или отсутствия исчезающе дальнего родства, происходящим при встречах носителей таких культур. Между тем исходной причиной столь трогательного ритуала часто является не сентиментальность или воспитанность, но жесткий прагматизм. Выясняя вопрос о кровном родстве, носители таких культур прилагают огромные усилия совсем не для того, чтобы при случае передать троюродной бабушке привет от внучатого племянника. Совместное перебирание ветвей генеалогических деревьев служит совершенно иной цели: выяснить, кто сидит перед ними – человек или же биологический объект, которого можно без зазрения совести обмануть, а то и убить¹.*

Общеизвестны культуры, не считающие людьми в полном смысле этого слова представителей другого народа, другой расы или другого вероисповедания, не говоря уже о женщинах².

Довольно часто проводится «граница гуманизма» и по социальному признаку. *Так, последовательный кальвинизм отказывал и отказывает в праве быть полноправным человеком беднякам (и во многих не кальвинистских в целом странах бедняки очень долго не имели политических прав). Недолго, но убедительно существовавшая культура диктатуры пролетариата (или, в случае «красных кхмеров», диктатура крестьянских партизан) отказывала в социальной полноценности богачам и священникам, а весьма часто и «буржуазной интеллигенции».*

Интересен подход современной американской культуры: насколько можно понять, люди признаются людьми в социальном смысле слова в случае соответствия хотя бы одному из трех принципов:

- образа жизни (жизнь в условиях, признаваемых американским государством демократическими);
- политических убеждений (искреннее стремление к демократии западного образца, причем степень искренности определяют сами американцы);
- политической целесообразности (жизнь в странах, являющихся союзниками США).

Весьма существенно, что **все эти критерии изначально являются субъективными и всецело определяются интересами самих американцев.** *В зависимости от ситуации и вне связи со своими личными качествами одни и те же люди могут становиться безупречно «своими» и выталкиваться за «границу гуманизма», где их можно обвинять в чем угодно, «вбамбливать в каменный век» и морить химическим оружием, как тараканов.*

В этой гибкости и прагматичности, **в полном подчинении самой картины окружающего мира конкретным интересам** принимающего решения субъекта – будь то индивид или государство – **кроется один из секретов эффективности американского общества.**

Как, впрочем, и одна из причин широкого распространения ненависти к нему.

Существенно, что до **настоящего времени история человеческой цивилизации была связана с расширением «границы гуманизма», с расширением круга признаваемых**

¹ Другой причиной повышенного внимания к родственным связям у многих малых народов является, как разъясняют этнологи, стремление избежать близкородственных браков, неизбежно ведущих к вырождению.

² Правда, опыт развитых стран показывает, что, как только к женщине перестают относиться, как к имуществу, она показывает пальцем на мужчину и говорит: «Это мое!»

людьми. Собственно, это медленное и сопровождающееся откатами, но неуклонное **расширение и является основным содержанием социального прогресса** человечества.

Как было показано выше, глобальный экономический кризис может не просто остановить это расширение – он может обернуть его вспять. Неизбежное в этом случае признание недочеловеками, подлежащими уничтожению, сотен миллионов, а скорее всего, - и миллиардов людей будет означать отступление цивилизации в кромешный мрак варварства, в новые Темные века. На их фоне раннее Средневековье покажется эпохой просвещения, а Гитлер – наивным гуманистом.

Русская культура в этом историческом контексте уникальна своим органическим отрицанием бесчеловечного «мейнстрима». Это **едва ли не единственная культура современного мира, носитель которой *a priori* воспринимает как человека в социальном смысле слова любого**, являющегося человеком биологически. Именно в этом наиболее выпукло и полно выражается ее всеобщий, всеохватывающий, космический характер.

Этот подход настолько органичен для нас, что мы не сознаем его уникальность. Нам кажется, что все относится друг к другу как к людям, и по-другому нельзя, - и лишь когда нас начинают резать, как баранов, или морить либеральными реформами, у нас возникают смутные подозрения, которые мы разрешаем обвинением конкретных «врагов» в «бесчеловечности».

Между тем **проблема наша заключается вовсе не в «бесчеловечности» наших конкурентов, но, напротив, во «всечеловечности» русской культуры, являющейся в этом отношении уникальной.**

Вероятно, данная особенность связана с многоплеменным, а по мере расширения и многонациональным характером русской культуры, а затем, по мере освоения ею новых пространств, - и самого русского этноса.

Не стоит забывать, что Россия, а длительное время – и русский народ – неуклонно формировались именно за счет признания «своими» людей других наций и даже религий. Это естественный для нас образ жизни, свойственный нашей культуре метод экспансии.

По сути дела, **наше общество еще во времена Московского царства складывалось как «политическая нация»:** как сообщество людей, **объединенных ценностями (и даже не образом жизни, который может отличаться очень сильно)** и потому максимально открытое для всех, готовых разделять эти ценности. Поэтому мы и считаем человеком, равным себе и обладающим всеми человеческими правами, не просто «своего», но всякого, кто потенциально может стать «своим», - то есть всех не-преступников и не-врагов.

Именно всечеловечность русской культуры делает недопустимым вновь активизировавшиеся попытки урезать границы России до территории «чисто-русских», исторически населенных этническими русскими регионов. Порочность этой идеи, интенсивно продвигаемой именно либеральными фундаменталистами и профессиональными «западниками», заключается даже не только в практических вопросах вроде того, в югу или к северу от Мурманска лежит граница Северного Кавказа и зачем России отдавать свою нефть и газ китайцам (которые неминуемо освоят азиатскую часть России при таком подходе).

Фундаментальная порочность идеи сжатия России до этнических границ (то есть много уже границ XV века) заключается в ее полном отрицании **русской культуры, ее всечеловеческой сущности**, не позволяющей, но **прямо требующей считать «своим» любого, кто осознанной подлостью не доказал обратное.**

Всечеловечность русской культуры облегчает ее носителю сотрудничество с представителями иных культур, делает его более привлекательным для них, - но одновременно и существенно повышает его уязвимость.

2. Отсутствие понятия абсолютного зла

Готовность принять в качестве не просто партнера и союзника, но «своего» почти любого человека, открытость русской культуры проявляется и в отсутствии в ней образа «абсолютного зла», резко контрастирующем с, например, европейской культурой.

Зло для носителя русской культуры относительно; это особенно ярко проявляется в народных сказках, наиболее полно отражающих всякую культуру. Возможно, данный феномен вызван длительным существованием под игом Золотой Орды, которая была одновременно и злом, и объектом постоянного сотрудничества (хотя бы со стороны князей): *достаточно вспомнить, как «добрый молодец» договаривается с ее символом – Бабой-Ягой. Да и разговоры перед смертельными схватками со Змей-Горынычем и Кощеем Бессмертным тоже весьма показательны: уступи они – никаких схваток бы не последовало.*

Интересно, что советская культура, в которую русская культура переплавилась ужасом гражданской и Великой Отечественной войн, восприняла, хотя и фрагментарно, образ «абсолютного зла» - и это стало одним из проявлений ее ожесточения. Вероятно, **это ожесточение продолжается и сейчас:** место побежденного и потому ушедшего в прошлое абсолютного зла - фашизма - на глазах занимает торжествующее и потому вызывающее растущее, а не снижающееся ожесточение **новое абсолютное зло: либеральные реформаторы и клептократия** (в том числе силовая) **как их естественное порождение и продолжение.**

Между тем именно отсутствие «образа абсолютного зла», обеспечивая человеческое отношение к представителям других культур и народов, обеспечивает носителям русской культуры высокую гибкость и способность не только вести плодотворные переговоры, но и вызывать к себе долговременную симпатию.

Возможная уже в близкой перспективе утрата этого качества приведет, как представляется, к обеднению русской культуры и снижению жизнеспособности ее носителей.

3. Справедливость как высшая ценность

Основополагающей чертой русского национального характера, что в свое время вынужден был признать даже Чубайс, является стремление к справедливости, к «правде».

При этом **справедливость является** не просто высшей абстрактной, но и **самостоятельной ценностью, резко отделенной от практических** и тем более корыстных **интересов** – как отдельной личности, так и пресловутого коллектива.

Носителю русской культуры свойственно подчиняться осознаваемой им справедливости слепо и беспрекословно, как воинскому начальнику, что открывает широчайший простор для манипуляций и мобилизации. Если мы сознаем то или иное невыгодное для себя явление (до собственной смерти включительно) справедливым, мы примиряемся с ним и принимаем его как должное. Более того: естественная с точки зрения западной культуры защита своих интересов в данной ситуации воспринимается как нечто совершенно недостойное.

Поскольку русской культуре свойственно предпочтение справедливости не только перед личными, но и перед групповыми интересами (в том числе своей семьи, своих друзей и близких), стремление к ней иногда приобретает бесчеловечный характер.

В частности, оно подразумевает достаточно высокую требовательность (умеряемую ленью) к себе и ближайшим окружающим. Пренебрегающий своими обязанностями человек с артельной точки зрения недобросовестен: перекладывая свою часть общей ноши на остальных, он, по сути, пытается жить за их счет. Такая недобросовестность автоматически вычеркивает его из круга «своих» - и во многом лишает его универсальных для русской культуры человеческих прав. **«Человек имеет права, пока исполняет свои обязанности»**, - эта формула, применяемая многими поколениями руководителей, достаточно внятно выражает наше отношение к справедливости.

Интересно, что **вызванная жаждой справедливости требовательность в силу свойственной русской культуре терпения лишь незначительно распространяется на**

«начальство». Носитель нашей культуры с удовольствием «входит в положение» даже откровенно недобросовестного руководителя, сочувствует ему и прощает ему то, чего он не прощает супруге, детям, родителям и друзьям.

Причина этого – в исключительно специфическом отношении к государству, отдельным проявлением которого выступает всякий, даже безусловно частный, «начальник».

4. Индивидуалистический коллективизм

Однако наиболее популярной специфической чертой нашей культуры является все же не ее всечеловечность (к которой мы привыкли, которую мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся и которую в итоге обычно просто не замечаем), а «единство и борьба противоположностей» - элементов европейской и азиатской культуры³.

Вся наша история - **борьба стихийного индивидуализма** (а русские - значительно большие индивидуалисты, чем даже американцы) **и неосознаваемой потребности в насильственном внешнем объединении. Победа любого из двух начал** полностью дестабилизирует и даже **разрушает все общество**, оказываясь в результате временной. Эта жесточайшая внутренняя борьба - постоянная особенность русской культуры и, вероятно, **одна из фундаментальных движущих сил** развития как ее, так и всего российского общества.

Ее происхождение исторически прозрачно.

Прежде всего, крестьянские хозяйства, в которых складывалась русская культура, экономически были по-европейски самодостаточными. *Это в Азии системы коллективного земледелия превращали все общество в единый социальный автомат, работающий под страхом смерти, а выживание сколь-нибудь заметного числа обособленных хозяйств было в принципе невозможно.* Наши же индивидуальные хозяйства прекрасно могли обойтись без какой бы то ни было внешней помощи. Поэтому сами по себе они были готовы стать первичной ячейкой, основой общества, подобно тому, как это произошло в развитых странах Европы.

Однако в то же самое время, будучи самостоятельны внутренне, эти же хозяйства были исключительно уязвимы внешне. Нападения кочевников и разбойников (которым большие пространства и растянутость транспортных путей давала намного больше шансов, чем в Европе), постоянные княжеские усобицы, а затем и татаро-монгольское иго создавали объективную необходимость их внешней защиты, были фактором постоянного принудительного объединения перед лицом внешних опасностей.

Принудительное внешнее объединение (в том числе под воздействием объективных причин) **полностью свободных внутренне** (чтобы не сказать по-современному «полностью отморозенных») элементов – вот **формула российского общества**, наиболее четко выражающая движущее и развивающее его органически присущее ей внутреннее противоречие.

Исключительно интересным и важным с практической точки зрения, хотя и безусловно частным проявлением этой особенности русской культуры является **органическое, хотя и противоречивое сочетание ценностей солидарности и коллективизма как в коллективах, так и в отдельных личностях**. Каждая организация, каждый коллектив, каждая неоформленная группа в нашем обществе одновременно раздираются изнутри острейшей конкуренцией и являются скрепленным солидарностью монолитом в конкуренции с другими организациями, коллективами и группами.

³ На самом деле речь идет о базовых элементах культур рыночного и традиционного общества: Европа раннего Средневековья была вполне «азиатской» с точки зрения самосознания людей, и лишь развитие рынка обособило личность и выделило ее из слитно-роевого коллективного существования.

С другой стороны, в российской культуре нет ни одного собственно азиатского элемента: это европейская по содержанию, но традиционная по природе и формам существования культура.

Но в рамках данной работы в соответствии с устоявшимся обычаем мы будем использовать для обозначения современной культуры термин «европейская», а традиционной – «азиатская».

С этой точки зрения исключительно интересна *артель*, являющаяся продуктом переноса в иные хозяйственные условия принципов крестьянской общины и представляющаяся органически соответствующей русской культуре исторической формой самоорганизации русского трудового процесса и российского общества в целом.

С экономической точки зрения приведенная выше формула русского общества выглядит как **«индивидуальное исполнение коллективных обязанностей»**.

Ситуация дополнительно усложняется тем, что один и тот же человек, как правило, является членом нескольких групп, которые конкурируют между собой, как минимум, за его силы и время. В отличие от западной цивилизации, эта конкуренция практически не упорядочена. Это пространство беспорядочно переплетенных и разнородных обязанностей, сфер ответственностей и конфликтов и образует социальную ткань российского общества, требующую от его члена постоянного принятия решений в условиях неопределенности. Правда, решения эти принимаются, как правило, неосознанно и случайно, на основе представлений о морали (операционально выглядящих как стремление к справедливости), так как к осмысленному принятию и сознательной реализации своих собственных решений носитель русской культуры в целом не приспособлен. Ему значительно комфортнее плыть по течению, ситуативно реагируя⁴, а лучше пассивно **подчиняться «объективным обстоятельствам» или, в крайнем случае, внешней воле.**

Гремучая, но гармоничная смесь конкуренции и солидарности, делая общество внутренне разнообразным и тем самым гибким и жизнеспособным, создает предпосылки для невиданной эффективности. Однако это же свойство предъявляет и весьма суровые требования к качеству управления, значимость которого многократно повышается из-за пассивности преобладающей части общества в «нормальных» обстоятельствах.

Принудительное внешнее объединение внутренне обособленных и самостоятельных единиц, вошедшее в плоть и кровь русской культуры, проявляется и как **симбиоз ее носителя с государством**, самоидентификация отдельной личности как части не только страны, но и государства, которые воспринимаются практически как одно и то же. При этом права личности изначально воспринимаются ею самой как заведомо подчиненные интересам страны, воплощаемым в себе (до полного их поглощения) государством.

Симбиоз личности с государством носит заведомо односторонний (и потому жертвенный с точки зрения западной индивидуалистической культуры) характер и отнюдь **не дополняется** даже попыткой **симбиоза государства с личностью.**

5. Русская слитность

*Наши подонки совсем оборзели
(Обыденная критика)*

Государство - сверхценность русской культуры.

Не наемный управляющий, не источник социальных гарантий, не инструмент обеспечения безопасности и тем более не организатор технологического прогресса.

И уж, конечно, не пресловутый «ночной сторож» с министерской зарплатой и замком в Швейцарии, трепетно любимый либеральными фундаменталистами.

Государство – современная форма существования русского народа.

Единственная форма, доступная нам на протяжении как минимум вот уже нескольких столетий. Социальная среда, в которой живет и развивается каждая «ячейка общества». Скрепка, обеспечивающая само его существование и одновременно развитие.

⁴ Подобно российскому МИДу последнего десятилетия.

Вслушайтесь в критику: самые ярые нападки на ненавистную всему народу бюрократию включает использование по отношению к ней слова «наша»⁵. Это не рабство – это неотделенность, слитность, симбиоз с государством и отдельного человека, и общества в целом.

Глубоко религиозный человек, как правило, не является целостной, законченной личностью, так как добровольно делегирует часть своей личности на небеса, лишаясь тем самым этой части личности и суверенитета над собственной жизнью. Подобно ему, русский человек делегирует часть своего «я», своего самоосознания государству и вообще «начальству», выступающему представителем и олицетворением последнего и устанавливаемых им порядков (причем даже в сугубо частных структурах).

Ощущение государства, даже явно враждебного личности, тем не менее как «своего» - одна из самых поразительных особенностей русской культуры. Ее носители с легкостью прощают руководителям страны (да и любым «начальникам», являющимся их отражениями) то, десятую долю чего они не прощают своим ближайшим родственникам и друзьям!

Интересно, что сами слова «начальство» и «начальствовать» означают «давать начало» - это едва ли не божественная функция, уже свидетельствующая о чрезмерной роли всякого внешнего (относительно отдельно взятой личности) управления для россиян.

Односторонний симбиоз личности с государством исключительно важен для понимания практических особенностей нашей культуры.

Такая слитность дает российскому обществу, единому со своим государством, колоссальную – непредставимую и потому всегда неожиданную – силу, раз за разом, уже привычно для нашей истории позволяющую совершать невероятное. Именно в ней заключается секрет колоссальной эффективности и жизнестойкости носителя русской культуры, действующего «заодно» со своим государством. В этих случаях, действительно, «нам нет преград ни в море, ни на суше». *Достаточно вспомнить Сталина, начавшего прием в честь Победы над фашисткой Германией тостом за терпение русского народа и его доверие к государству.*

Но она же делает нас слепыми и беспомощными, неспособными даже к простейшей самообороне и элементарной самоорганизации⁶ в ситуациях «оставленности» государством. По своим трагическим последствиям для «оставленной государством» личности они живо напоминают последствия «богооставленности» для истово верующих. Когда же государство по тем или иным причинам становится врагом своего народа, носители русской культуры и вовсе оказываются абсолютно беспомощными до «последнего предела» (а порой и за ним). *В этом, кстати, одна из причин исключительно высокой роли инокультурных элементов в массовых (и особенно массовых успешных) выступлениях против государства.*

Носителю русской культуры невероятно сложно выступать против «своего» государства, даже когда оно уже давно перестало быть своим. Противоестественность этого действия для него такова, что, когда оно все-таки вынуждается историей, люди освобождаются от всех и всяческих правил и ограничений, обрушивая страну в хаос разного рода «смут».

Весьма важно, что симбиоз личности с государством неразрушим без разрушения самой русской культуры, - а следовательно, и России, и всего нашего общества. Поэтому попытки внедрения в нашу жизнь без адаптации к этой ее коренной особенности любых институтов и правил, основанных на отделении личности государства (в том числе, увы, и западных демократических институтов) обречены на позорный провал. В частности, при относительно успешном внедрении в нашу социальную ткань они объективно ведут не к гуманизации, но, напротив, к разрушению общества и уничтожению народа.

⁵ В сочетании с площадной бранью в адрес этой же бюрократии оно производит на следящего за смыслом произносимых слов слушателя поистине глубокое, часто неизгладимое впечатление.

⁶ Не стоит забывать, что русские – единственный народ мира, так и не создавший своей диаспоры в США. Это свидетельствует, как минимум, не только о высоких индивидуальных адаптивных способностях.

6. Уклонение от открытых конфликтов и «русский бунт»

*Устав от вас, враги, от вас, друзья
И от уклончивости речи русской...
(Марина Цветаева)*

Легендарную пассивность носителей русской культуры, **готовность терпеть самые грубые несправедливости до самой последней возможности** принято объяснять легендарной же «властью пространств над русской душой». Действительно: в России, в отличие от Европы, население редко «припирали к стенке», - почти всегда было куда бежать, и наша страна росла в основном именно за счет такого бегства.

Наряду с пространством, важную роль в формировании этой черты играли и длительное жестокое угнетение, и скудость ресурсов, которая объективно ограничивала материальную базу любого сопротивления. Не стоит забывать и о европейском ощущении ценности своей жизни, рисковать которой оказывалось значительно труднее, чем в слитно-роевых традиционных азиатских обществах.

Парадная сторона пассивности - исключительное терпение носителей русской культуры - создает колоссальный соблазн и одновременно бросает вызов любой системе управления.

Она достаточно быстро обнаруживает, что общество прощает ей почти любые ошибки и притеснения. Более того: в силу не только пассивности, но и общей скудости ресурсов общество почти не тратит сил не только на принуждение управляющей системы к необходимым ему решениям, но и на простую обратную связь с ней. В результате у нее возникает **ошибочное ощущение полной безнаказанности** практически любого произвола по отношению к обществу. *В начале 2000-х годов это ощущение было отлито в классической формуле «Это быдло будет думать то, так и тогда, что, как и когда мы покажем ему по телевизору».*

Однако, действуя по этому принципу, управляющая система неизбежно порождает незаметное для себя, подспудное нарастание общественного недовольства. Оно не проявляется в резкой и отчетливой форме до тех пор, пока не разряжается, - внезапно для правящей элиты и с крайней разрушительностью.

Разрушительность эта вызвана, как ни парадоксально, симбиотическим сосуществованием общества и государства. **В условиях такого симбиоза протест против государства оказывается для общества невероятно трудным и настолько противоестественным делом**, что общество восстает не на чуждые ему посторонние силы, а, по сути дела, на самое себя.

В результате **его врагом становится не конкретный**, враждебный ему и стесняющий его **порядок**, созданный государством, но сам по себе порядок как таковой - **сама идея порядка**. Ведь слитное с государством общество в принципе не ощущает возможности существования другого порядка, кроме созданного «его» государством.

Именно в этом заключается причина «бессмысленности» и «беспоощадности» «русского бунта», выявленной еще Пушкиным.

Наиболее изученным с точки зрения массовых поведенческих реакций примером этого стала гражданская война, в которой красные и белые воевали не столько друг против друга, сколько против общего хаоса, общего для основной массы населения отрицания порядка как такового.

Вынужденное выступление против государства, воспринимаемого обществом как «плоть от своей плоти», становится его величайшей, мучительной трагедией. Доведенное неэффективным, а то и порочным государством до крайности, общество взрывается не осознанным и направленным на конкретные проблемы и недостатки протестом, но принципиальным, всеобъемлющим отказом подчиняться дискредитировавшей себя системе управле-

ния. Этот отказ подчиняться охватывает и те сферы жизни, в которых власть действовала разумно и никакого недовольства со стороны общества не вызывала.

Классическим примером стал распад Советского Союза и либеральные реформы: с конца 1991 года пассажиры московского метро перестали «ходить по стрелкам»: в каждом переходе и в одну, и в другую сторону шел практически одинаковый поток людей. Понадобилось несколько лет, чтобы люди признали удобство существующих правил, и «встречный» поток стал пренебрежимо тонок.

Общим историческим правилом является не только самоочевидное использование народного недовольства и тем более массового отказа от подчинения внешними конкурентами (от половцев до американцев).

Значительно более важным является реакция правящей элиты на подспудный рост общественного недовольства. Как и само это недовольство, реакция на него является стихийной, не осознаваемой самой элитой, - а значит, и современными аналитиками, и последующими историками, привыкшими интересоваться мнениями действующих лиц, а не причинами этих мнений.

Попав в мощное «силовое поле» растущего общественного недовольства, правящая элита и особенно ее периферия неизбежно расслаиваются, разделяются и дробятся по самым разным, а часто и неожиданным признакам. Это внутреннее раздробление также многократно усугубляет разрушительность общественного взрыва (в том числе облегчением внешнего влияния).

Однако, с другой стороны, оно же обеспечивает управляющей системе необходимую гибкость и жизнеспособность, так как в ней еще до общественного взрыва опережающим образом появляются не только идейные, но порой и организационные зачатки будущего, пост-катастрофического устройства.

7. Трудовая культура:

«сверхзадача», мотивация и «русский способ производства»

Одной из важнейших компонент любой культуры является отношение ее носителей к труду. Наша особенность - органическая неспособность существовать (и тем более трудиться) без «сверхзадачи», без некоей цели, возвышающейся далеко над нашим повседневным существованием и придающей ему высший, философский смысл.

По известной притче, мы органически не способны не только «таскать эти треклятые камни», но даже и «зарабатывать на жизнь своей семье» - по-настоящему хорошо мы можем только «строить Руанский собор».

Потребность в «сверхзадаче» вместе с тягой к справедливости сформировали в рамках русской культуры весьма специфический тип **трудовой мотивации, ориентированной на деньги** и в целом потребление **лишь** преимущественно **как символ** этой **справедливости**.

Поэтому само по себе стимулирование работника рублем, что доказала вся практика последней четверти века (да и более ранние эксперименты с «хозрасчетом», начатые еще в 20-е годы), оказывается совершенно недостаточным. Это многократно усложняет задачу системы управления по сравнению со стандартными правилами, выработанными в рамках западной культуры. Технологически простое для управленца материальное стимулирование оказывается эффективным лишь при наличии внятно осознаваемой «сверхзадачи». *Именно поэтому политические пропагандисты, а до них священники выполняли, по сути, непосредственно производственную функцию.*

Однако главное заключается в **безусловной вторичности любого материального стимулирования по сравнению с одобрением окружающих, являющимся непосредственным доказательством «справедливости»** тех или иных действий одобряемого.

Эта зависимость от мнения коллег по работе (равно как и общее для россиян стремление к «миру и согласию», пусть даже в ущерб собственным интересам и самой справедливости, вызывающее в целом враждебное отношение к «мании правдоискательства») исторически порождена соседским характером российской общины и в целом сельской жизни. *Грубо говоря, ставший врагом сосед легко может сжечь ваш дом, тем самым уничтожив ваше благосостояние и пустив вас по миру, - поэтому с ним лучше ладить.* Тысячелетняя жизнь в условиях повседневной практической реализации этой «доктрины гарантированного взаимоничтожения» наложила огромный отпечаток на русский национальный характер. Впрочем, как минимум не меньшее влияние на формирование трудовой мотивации наложила экзистенциальная тяга к справедливости, описанная выше.

Важной особенностью русской культуры, выявленной в начале XX века зарубежными социологами и впечатлившей их до такой степени, что они ввели термин **«русский способ производства»**, является **склонность к штучной уникальной, но не массовой монотонной работе**. Это связано и с органической потребностью в «сверхзадаче», с идеей которой монотонная простая работа связывается намного труднее, чем с «подковыгиванием блохи», и к индивидуальному ремесленничеству крестьян (зимой или при отпуске «на оборок»).

Таким образом, еще до изобретения конвейера была выявлена непригодность к нему русской культуры: выполнять монотонные однородные операции ее носителям оказывалось невыносимо скучно. Это одна из причин того, почему наша страна делала прекрасные относительно сложные машины (вроде боевых самолетов) и хронически не справлялась с более массовым и более простым производством легковых автомобилей.

Интересно, что бригадный подряд (вводимый в 70-е годы не только в нашей стране, но и, например, в Японии и США), был нацелен на отказ от традиционного конвейера и расширение сферы компетенции каждого работника, на то, чтобы сделать его труд более творческим или хотя бы менее монотонным. Тем самым он соответствовал объективным, глубинным потребностям русской культуры. Ведь при бригадном подряде характер труда приближался к традиционному для нас артельному.

При правильной организации экономики именно «русский способ производства» выведет российское общество из заведомо непосильной для него и потому пагубной конкуренции с Китаем (ибо мы как работники всегда будем стоять дороже и будем менее организованными и трудолюбивыми) в положение его гармонического дополнения. Ведь культура Юго-Восточной Азии идеально соответствует потребностям именно конвейерного производства, - а русская культура позволяет развивать производство более сложных, «штучных» изделий.

8. Ключевые пороки: боязнь счастья и авральность

Повторюсь: у культуры, как и у всякого явления природы, нет позитивных и негативных черт – все зависит от точки зрения наблюдателя и, с другой стороны, степени адекватности управляющей системы. Однако, заняв определенную точку зрения, мы получаем возможность рассматривать некоторые черты своей культуры как достоинства, подлежащие развитию, а некоторые – как пороки, которые нужно стараться максимально ослабить, если и вовсе не искоренить.

Наиболее объективная позиция – рассмотрение культуры с точки зрения участия в глобальной конкуренции и собственного развития общества.

До сих пор я говорил о в целом позитивных особенностях нашей культуры, равно как и об особенностях, сочетающих в себе позитивные и негативные качества. Однако нельзя закрывать глаза и на ее безусловно вредные черты.

Они являются такими не сами по себе, но лишь потому, что их использование управляющей системой чрезмерно затруднено, предъявляет к ней слишком высокие требования,

которым очень сложно соответствовать. В результате эти черты на протяжении как минимум столетий мешают нам нормально жить и развиваться.

Самая главный, едва ли не **фатальный порок носителей русской культуры - боязнь счастья и инстинктивное бегство от него как от греха, неумение и, главное, искреннее нежелание любить себя и принимать себя такими, какими мы есть.** Это качество - прекрасный стимул как для личного самосовершенствования и развития искусств, так и (при грамотном использовании со стороны управляющих систем) для общественной модернизации. Однако оно же обрекает значительную часть народа на хроническое неблагополучие, как материальное, так и в первую очередь психологическое, которое, проявляясь в значительных масштабах, подрывает конкурентоспособность общества.

Именно нелюбовь к себе как общественная норма (позволяющая терпеть ограничение личного потребления) вкупе с уклонением от конфликта до последней черты и притоком нефтедолларов стала причиной отказа от построения в Советском Союзе общества массового потребления. Отказа, приведшего к краху всю советскую цивилизацию.

С другой стороны, несмотря на индустриализацию (и даже информатизацию), русская культура, российский образ жизни по своей природе остались глубоко сельскохозяйственными. Это проявляется не только в традиционных катастрофах и принятии стратегических решений в августе, не только в осеннем всплеске свадеб даже у потомственных горожан.

Крестьянин, подчиняясь естественной смене времен года, привыкает уже хотя бы в силу только этого к «внешнему управлению» - и весьма естественно переходит от подчинения внешним природным силам к подчинению силам общественным (и даже иностранным).

Однако главное проявление сельского характера русской культуры - авральный, крайне неравномерный характер как труда, так и всей жизни в целом. *Крестьянин привык, что периоды исключительно интенсивной работы (на посевной и особенно на уборке урожая, когда «один день год кормит») перемежаются с длительным зимним периодом хронического безделья.*

В результате добросовестное планирование в нашей стране на любом уровне вынуждено учитывать, что трудовой цикл начинается с длительного периода «раскачки», за которым следует нормальная работа «в охотку», сменяющаяся диким «авралом».

В ходе последнего могут быть значительно перевыполнены первоначальные задания и достигнуты непредставимые ранее высоты как производства, так даже и человеческого духа. С другой стороны, в результате аврала легко может быть разрушено все, что только можно разрушить, - от технологического оборудования до человеческих отношений.

* * *

Однако внятный учет этой и других особенностей русской культуры, каким бы сложным он ни был, позволяет, как многократно показывала практика, добиваться непредставимых для иных культур, поистине фантастических результатов.

Добьемся их и мы – в уже обозримом будущем.

Если, конечно, от усталости и отчаяния не согласимся на вбиваемые нам в голову нашими конкурентами убийственные идеи самооскопления по этническому, национальному или религиозному принципам.

Доклад: апрель 2011 г.

Публикуется на www.intelros.ru по согласованию с автором